

скрыта за маской, навязанной ему обществом, за «фасадом» старого, усталого, незначительного флейтиста, но он, как и каждый человек, больше, чем эта «форма». В отличие от романтической концепции исключительного гения А. Шницлера, как и его современники, подчеркивает исключительность судьбы, неповторимую и непознаваемую индивидуальность каждого человека, в типичном ищет индивидуальное. Художник в данной новелле не противопоставляет себя обществу, является гармоничной частью своего слоя, одним из многих таких же. Он одинок, потому что каждый человек одинок и изолирован от других.

Смерть выполняет тройную функцию в произведении: пробуждает интерес к личности Флориана, неинтересной при его жизни, раскрывает схему общественных отношений, становится логическим завершением творческого угасания художника. Она также является ключевым символическим событием данной новеллы, раскрывающим сущность Флориана как художника: истинный художник мертв без своего творчества.

Примечания

- 1 См., например: *Künstlerroman* // *Der Literatur Brockhaus* : in 8 Bd. Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich, 1995. B. 5. S. 76.
- 2 *Marcuse H.* Der deutsche Künstlerroman. Frühe Aufsätze. Springe, 2004. S. 27. Здесь и далее перевод автора статьи.
- 3 См.: *Wilpert G. von.* Sachwörterbuch der Literatur. Stuttgart, 1989. S. 489 ; *Marcuse H.* Op. cit. S. 30–31.
- 4 См.: *Marcuse H.* Op. cit. S. 37.
- 5 См.: *Wilpert G. von.* Op. cit. S. 489.
- 6 *Marcuse H.* Op. cit. S. 19.

УДК 94(47).084.3+070(430)+929Паке

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ ГЛАЗАМИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА: «ПИСЬМА ИЗ МОСКВЫ» (1918) АЛЬФОНСА ПАКЕ

О. В. Козонкова

Саратовский государственный университет
E-mail: kozonkova@rambler.ru

В статье впервые в отечественной науке рассматриваются статьи журналиста Альфонса Паке, написанные им из России для газеты «Франкфуртер цайтунг» с июля по ноябрь 1918 г. Паке был первым немецким журналистом, допущенным в Россию после выхода страны из войны. Его публикации представляют собой важные свидетельства о бурном периоде российской истории, а также помогают понять точку зрения европейской буржуазной интеллигенции на происходящие в России кардинальные изменения в политической и общественной жизни.

Ключевые слова: история России, 1918 год, немецкая журналистика, немецко-российские культурные связи.

⁷ Ibid.

⁸ Представительная подборка новелл о художнике XIX–XX вв. представлена в следующих антологиях: *Искусство и художник в зарубежной новелле XX века* : сб. произведений / сост. И. В. Ковалева. СПб., 1992 ; *Искусство и художник в зарубежной новелле XIX века* : сб. произведений / сост. И. В. Ковалева. Л., 1986.

⁹ *Schnitzler A.* Aphorismen und Betrachtungen. Frankfurt a.M., 1983. S. 158.

¹⁰ Ibid. S. 14.

¹¹ *Steskal Ch.* Literarische Gestalten als Selbstreflexion. Arthur Schnitzlers Künstlertum im Kontext seiner Dichter- und Literatenfiguren. Marburg, 1997. S. 129.

¹² *Lindgren I.* «Seh'n Sie, das Berühmtwerden ist doch nicht so leicht!» Arthur Schnitzler über sein literarisches Schaffen. Frankfurt a.M. ; Wien [u. a.], 2002. S. 14, 97–99 ; *Schnitzler A.* Op. cit. P. 369.

¹³ См.: *Schnitzler A.* Aphorismen und Betrachtungen. P. 369.

¹⁴ *Ilmer F.* Die Gestalt des Künstlers bei Schnitzler. Baltimore. Johns Hopkins Univ. Diss. 1933.

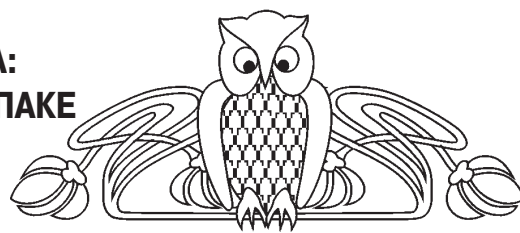
¹⁵ См.: *Steskal Ch.* Op. cit.

¹⁶ См.: *Lindgren I.* Op. cit.

¹⁷ См.: *Weiner M.A.* Arthur Schnitzler and the crisis of musical culture. Heidelberg, 1986.

¹⁸ *Schnitzler A.* Das erzählerische Werk. Bd.1. Frankfurt a.M., 1961. S. 36. В дальнейшем новелла цитируется по данному изданию с указанием номера страницы в скобках.

¹⁹ Соотечественник и коллега А. Шницлера Герман Бар так писал в дневнике об отношении общества к художнику в начале XX века: «Немец смотрит на деятеля искусства так: он думает, что за те деньги, которые он заплатил за его произведение, он купил его самого со всеми потрохами. Художник больше не имеет права располагать своей душой, все принадлежит публике» (*Bahr H.* Tagebuch 1905–1908. Berlin, 1909. S. 172).

Revolutionary Russia from the Western Intellectual's Point of View: «Letters from Moscow» (1918) by Alfons Paquet

O. V. Kozonkova

It is the first time when the articles of Alfons Paquet are studied in the Russian academic humanities. The articles were being written in Russia for *Frankfurter Zeitung* newspaper from July till November of 1918. Paquet was the first German journalist, which was allowed an admission to Russia after the country withdrew from the war. His publications are valuable testimonies of the turbulent period of Russian

history, helping to understand the European bourgeois intellectuals' viewpoint on the radical changes in Russian political and social life.

Key words: Russian history, 1918th, journalism in Germany, German-Russian cultural contacts.

В истории немецко-российских политических и культурных связей, насчитывающей многие столетия, особой интенсивностью отличается период конца XIX – первой трети XX в. Причины этого сегодня, по прошествии ста лет, видны отчетливо. В политическом и военном отношении Россия становится все более мощной державой, и европейские страны, вынужденные считаться с аппетитами восточного соседа, начинают ощущать внешнюю политику царской империи как угрозу собственным интересам. С другой стороны, именно на рубеже веков Западная Европа открывает для себя русскую литературу, прежде всего романы Ф. М. Достоевского, причем мир русской литературы в сознании западноевропейского читателя отождествляется с Россией как таковой. Эта вновь открытая русская вселенная представляется кардинально отличной от европейского Запада, а разочарование в европейском пути развития и кризисные настроения перед Первой мировой войной приводят к тому, что в некоей «русской идее» начинают усматривать возможный путь спасения западной цивилизации. Оба этих компонента восприятия России – как угрозы и как провозвестника нового лучшего мира, – оформившихся в начале прошлого века, продолжают существовать и после Октябрьской революции, исторические перемены только помогают им закрепиться и стать неотъемлемой частью массового сознания. Двадцатые годы XX в. в истории российско-германских отношений – уникальный период, характеризующийся, помимо небывалой до сей поры интенсивности культурных связей, присутствием топоса России во всех областях общественной мысли Германии¹. В русском зеркале немецкие интеллектуалы пытались увидеть собственную судьбу, русский опыт, казалось, мог объяснить происходящее в Германии, к нему в равной мере апеллировали как сторонники советского эксперимента, видевшие в нем модель нового мира, так и противники, рассматривавшие русский «хаос» как угрозу западной цивилизации. Можно сказать, что Россия в тот период была для Германии главным «Другим», обращение к ней, вне зависимости от оценки, означало путь к собственной идентичности, которую после катастрофы Первой мировой войны и периода революционной смуты приходилось искать заново.

Одной из характерных фигур этого «поворота к Востоку» в начале XX в. был немецкий писатель и журналист Альфонс Паке (1881–1944). Герд Кёнен, самый авторитетный исследователь жизни и творчества Паке, делает его центральной фигурой своей диссертации, посвященной отношениям Германии и России в революционный период², объясняя это следующим образом: «Альфонс

Паке не только подарил этому, сегодня почти забытому, умонастроению, этой распространенной в интеллектуальной среде ориентации на Восток несколько ключевых понятий, например оппозицию «Рим или Москва». Он олицетворял эту эпохальную тенденцию всей своей жизнью»³.

Альфонс Паке родился в Висбадене в семье владельца перчаточной мастерской. Отец видел в нем продолжателя семейного дела, но Паке очень рано начал сочинять и сотрудничать в периодических изданиях. В университетах Гейдельберга и Мюнхена он изучал философию, географию и народное хозяйство, что потом наложило отпечаток на его путевую прозу и репортажи, отличавшиеся от произведений большинства писателей-современников вниманием к экономическим вопросам и точностью приводимых данных. Паке был страстным путешественником, предпочитая длительные поездки в отдаленные регионы: он объездил всю Европу, посетил Северную Америку, Ближний и Дальний Восток. Отчеты о путешествиях публиковались в периодической печати либо выходили отдельными книгами. Именно путевая проза вместе с драматургией принесла прижизненную славу автору.

Уже первое путешествие в 1903 г. привело Паке в малоизвестные районы Российской империи: не владея русским языком и не располагая в России контактами, он отправляется в длительную поездку по только что построенной Транссибирской магистрали. В 1904 г. Паке начинает сотрудничать с известной немецкой газетой «Франкфуртер цайтунг». Четыре года спустя в качестве её корреспондента и по поручению географического общества города Йены он вновь отправляется в многомесячное путешествие по Сибири, Монголии и Китаю. В 1909 г. выходят сразу две книги, основанные на впечатлениях от этой поездки – сборник корреспонденций «Азиатские трения» и географическое описание «Южная Сибирь и северо-западная Монголия»⁴. Первая мировая война, в которой Россия и Германия оказались по разные стороны фронта, препятствует дальнейшим путешествиям Паке, но русская тема по-прежнему присутствует в его художественных произведениях и публицистике⁵, а главное – в газетных статьях, по большей части предназначенных для «Франкфуртер цайтунг».

Во время войны немецкая пресса испытывала информационный голод в отношении России. Информацию о внутренней ситуации в царской империи черпали из русских газет и периодики стран Антанты, хотя этим источникам, ввиду военной цензуры, не слишком доверяли. Чрезвычайно ценилась любая «аутентичная» информация, полученная различными способами: от военнопленных, из частных писем, через личные контакты. В качестве знатока России Паке отправляется в 1916 г. специальным корреспондентом «Франкфуртер цайтунг» в Стокгольм, где тогда находился «важнейший пост наблюдения

за происходящим в России»⁶. С тех пор газета регулярно публикует его корреспонденции, подписанные заглавной буквой «Р»⁷. В Стокгольме Паке удалось завязать знакомства с некоторыми политическими деятелями из России, которым суждено было сыграть немалую роль в будущих событиях. Эти контакты не только сделали его публикации военных лет информационно значимыми, но и очень помогли ему позже, когда он отправился специальным корреспондентом в Россию.

Нормальное информационное сообщение между Россией и Германией было налажено лишь после стабилизации политической обстановки в середине двадцатых годов, тогда крупнейшие газеты и издательства направили в Россию своих специальных корреспондентов на длительный срок⁸. А в первые годы после Октябрьской революции ситуация, по сравнению с военным периодом, существенно не изменилась. Несмотря на заключение мира в Брест-Литовске, отношения между двумя странами оставались напряженными: постоянное ожидание провокаций с обеих сторон, экспроприация немецкой собственности на советской территории, коммунистическая пропаганда в Германии, взаимное недоверие и жесткая цензура отнюдь не способствовали журналистской деятельности. Тем не менее при первой же возможности в Советскую Россию отправляются немецкие журналисты. Первой газетой, направившей специального корреспондента, стала «Франкфуртер цайтунг».

«Франкфуртер цайтунг» (1856–1943) была одной из самых авторитетных либеральных газет в Германии первой половины XX в., её абонировали интеллектуалы, крупная и средняя буржуазия. Основное внимание на страницах этого издания уделялось политическим – зарубежным и внутренним – новостям и экономике. У «Франкфуртер цайтунг» не было постоянного представителя в России, но начиная с 1905 г. в восточноевропейскую империю регулярно направлялись специальные корреспонденты⁹. Во время Первой мировой войны России как военному противнику уделялось все больше внимания, хотя долгое время она оставалась в тени «главных» врагов – Великобритании и Франции. В 1917 г. ситуация изменилась кардинальным образом: количество корреспонденций о России, несмотря на вышеупомянутый информационный голод, выросло в разы. В каждом номере газеты (их было 19 в неделю) печаталось сообщение о России, а часто и не одно, таким образом, в месяц количество заметок и статей могло превышать сотню. Повышенный интерес к русской революции объяснялся просто – судьба Германии непосредственно зависела от политики очередного российского правительства. За важнейшим вопросом ближайшего будущего – война или мир? – истинный масштаб событий в России отходил на второй план. Тем не менее,

вне зависимости от мотивировки, «Франкфуртер цайтунг» стремилась дать своим читателям как можно более полную картину происходящего¹⁰. Поэтому неудивительно, что владельцы газеты воспользовались первой же возможностью получить информацию непосредственно с места событий и направили в июле 1918 г. в охваченную Гражданской войной Россию собственного корреспондента – Альфонса Паке.

Пять московских месяцев Паке – с конца июня по конец ноября – были полны драматических событий: убийство главы дипломатической миссии Германии в России графа фон Мирбаха, путч левых эсеров, покушение на Ленина, красный террор, V и VI Всероссийские съезды Советов, революция в Германии. Политическая нестабильность внутри страны и напряженность в отношениях с Германией делали пребывание немецкого корреспондента в России весьма небезопасным, часто из критических ситуаций Паке выручало только близкое знакомство с партийными функционерами. Несмотря на риск, журналист остался в стране даже после прекращения дипломатических отношений между Россией и Германией в начале ноября и отъезда немецкой миссии.

Положение Паке во многих отношениях было уникальным. Он не только первым из немецких журналистов получил визу в послереволюционную Россию, помимо своей журналистской деятельности он фактически выполнял функции пресс-атташе немецкой дипломатической миссии. Историк Винфрид Баумгарт полагает, что ему принадлежит авторство многих дипломатических депеш из Москвы – таким образом, он оказал значительное влияние на мнение правительственных кругов Германии о положении дел в Советской России. «Сравнение официальных бумаг с дневником позволяет во многих случаях доказать, что отдельные формулировки или даже полный текст телеграмм, подписанных Рицлером или, позже, генеральным консулом Германии Хаушильдом, восходят к Паке»¹¹. Ситуация Паке была необычной и в другом отношении. В отличие от многих коллег, допущенных в первые годы советской власти в Россию, Паке не симпатизировал революции, более того, он не скрывал своего неприятия большевистских методов борьбы и «революционных» преобразований, но, тем не менее, смог не только уцелеть в это скорое на расправу время, но и сохранить добрые отношения с некоторыми лидерами большевиков, в частности с К. Радеком и В. В. Воровским, благодаря чему имел доступ к такого рода информации и мог бывать в таких местах, куда другим иностранцам путь был заказан.

Статьи Паке во «Франкфуртер цайтунг» вызвали большой резонанс в Германии и широко цитировались, в том числе и в прессе других европейских государств. Так как журналист не скрывал своего критического отношения к происходящему не только в частных беседах, но и в

текстах, предназначенных для публикации, его работа способствовала формированию не слишком лестного взгляда на большевиков в общественном мнении Западной Европы, что только осложняло его положение. Советские политики были недовольны содержанием корреспонденций, в советской прессе печатались протесты против деятельности Паке, а Радек, как о том свидетельствует запись в дневнике Паке от 10 сентября, однажды выразил всеобщее недовольство следующим образом: «Благодарите Бога, что Вы не русский. Если бы не это, я приказал бы расстрелять Вас за Ваши статьи. Можете не сомневаться»¹².

Что же побудило Радека к такому резкому высказыванию? Присмотримся к этим репортажам внимательнее.

Защищаясь от критики Радека, Паке называет себя «не более чем зрителем», который стремится избежать тенденциозности¹³. То, что это отнюдь не соответствует действительности, бросается в глаза каждому читателю его статей. «Франкфуртер цайтунг» с момента её основания гордилась своей объективностью и неподкупностью, своим сдержанным стилем, взвешенной манерой подачи информации, что особо выделялось в ту крайне экспрессивную эпоху резкой, часто необоснованной критики и огульных обвинений. При этом, однако, газету отличала четкая редакционная политика, остававшаяся неизменной на протяжении всего периода её существования: владельцы и издатели придерживались последовательно демократических позиций, осуждая радикализм любого толка в его националистическом, милитаристском или классовом проявлении. Поэтому, например, Российская империя до войны подвергалась резкой критике – «Франкфуртер цайтунг» полагала, что внутреннюю политику семьи Романовых можно было определить словом «деспотизм», внешнюю – «империализм»¹⁴. К большевизму и Советской власти газета относилась неизменно настороженно, в отличие от многих других изданий она не видела в большевизме альтернативы фашизму даже в тридцатые годы. Тем не менее, несмотря на эту единую редакционную линию, авторам специальных репортажей предоставлялась достаточная свобода, поэтому на страницах газеты мы можем встретить как довольно резкие выпады против Советской России, так и проявление симпатий и заинтересованности, особенно в отношении культуры.

Репортажи Паке – хороший пример относительной независимости журналиста. За исключением одного репортажа, подвергнувшегося сильной редакционной цензуре¹⁵, его статьи из России выходят в 1918 г. без изменений и дают нам прекрасное представление об отношении Паке к русской революции. Его точка зрения представляет интерес по следующей причине: как было сказано, Паке не приветствовал революцию, но и не был одиозным критиком советской системы. Это – промежуточная позиция, точка зрения типичного

немецкого бюргера, оказавшегося перед событием мирового масштаба, интуитивно чувствующего это, захваченного происходящим, но при этом растерянного, колеблющегося в своих оценках, страшщегося последствий. В цитируемой ниже реакции на Октябрьскую революцию явно слышны ужас перед brutальными проявлениями переворота, опасение за покой и само существование старой доброй Европы: «Мы должны защититься от натиска с Востока, от его анархических идей освобождения мира. Этот социализм бесплоден, в его лоне – лишь голый нигилизм. Россия сегодня – это азиатский слон, управляемый двумя цюрихскими приват-доцентами: Лениным и Троцким»¹⁶. Ужасом веет и от дневниковой записи, сделанной через месяц после приезда в Москву, 31 июля 1918 г.: «Если бы Европа знала, что творится на Востоке вплоть до побережья Тихого океана, она бы поспешила заключить мир, не заботясь о своих незначительных внутренних границах, она бы позволила побрататься остаткам своих армий, чтобы собрать силы против того, что идет с Востока»¹⁷. Двумя неделями позже в письме к жене также слышно опасение: «Мир уже в достаточной мере стал большевистским, нельзя допустить, чтобы стало еще хуже»¹⁸.

Винфрид Баумгарт полагает, что некоторые записи в дневнике Паке маркируют «внутренний переворот»: из «сохраняющего дистанцию наблюдателя» он якобы постепенно превращается в «восхищенного сторонника» нового мира¹⁹. Трудно согласиться в этом вопросе с уважаемым ученым: несмотря на отдельные восторженные реплики (относящиеся преимущественно к русскому народу, а не к политической системе), ни репортажи из Москвы, ни более поздние публикации, ни общественная деятельность Паке не позволяют говорить о том, что его отношение к русской революции претерпело существенное изменение. Однако нельзя не заметить, что проблема революции как таковой его очень занимала, что, в частности, можно проследить по изменению настроения в репортажах из Москвы. В первой статье Паке действительно выступает как сторонний наблюдатель, не высказывая никаких особых ожиданий, опасений, соображений. Подобно кинокамере, он бесстрастно фиксирует все, что попадаетея ему на глаза: ландшафты, здания, случайные прохожие проплывают перед нами, показанные с одинаковым – умеренным – интересом и одновременно как бы безучастно. Несмотря на давнее знакомство Паке с Россией, разрушенная войной и переворотами страна кажется ему чужой, он не чувствует себя к ней причастным и не высказывает особых эмоций. Единственное, что по-настоящему волнует журналиста в начале его пребывания, – это дороговизна продуктов. Приметы нового времени – голод, разруху, высокие цены – он описывает почти с неприязнью, как человек, сменивший порядок и достаток цивилизации на хаос.

Такую отстраненную позицию Паке, однако, удастся сохранить недолго: «Тот, кто попал в водоворот элементарных исторических процессов, происходящих сегодня в России, не сможет остаться безучастным зрителем»²⁰. Паке оказывается эмоционально вовлеченным, он пытается понять перемены, пробует встать на точку зрения большевиков, увидеть позитивные моменты новой системы, но по большей части видит её отрицательные стороны, его ужасает жестокость новой власти, а крах старого мира, утрату цивилизации он воспринимает как личную потерю. В статье «Террор» он даже призывает европейскую общественность заявить протест против того, «что сегодня происходит в несчастной России» (112). Паке не может и не хочет поверить в долговечность власти большевиков. Недовольство всех слоев населения, анархия, голод и бедственное положение на фронтах кажутся ему достаточным основанием, чтобы ожидать скорого крушения большевистской диктатуры, журналист даже не стесняется высказывать предположения о том, каким будет следующее правительство. И лишь в редкие моменты сквозь это неприятие проглядывает восхищение, когда Паке позволяет захватить себя этой новой энергией, стихийности и масштабности происходящего. Сложная, противоречивая позиция Паке представляется нам типичной для среднестатистического европейского интеллектуала: новые перспективы, открытые революцией, влекли и обещали обновление, но отказ от предыдущих завоеваний цивилизации и жестокость пугали.

В общей сложности Паке написал для «Франкфуртер цайтунг» в 1918 г. из России большое число мелких заметок и более двадцати крупных текстов, которые уже в марте 1919 г. с минимальными поправками вышли отдельной книгой под названием «В коммунистической России. Письма из Москвы»²¹. По своему жанровому характеру эти тексты разнообразны: в зависимости от темы автор использовал формы аналитической статьи, репортажа, путевой прозы или очерка (фельетона в немецкой жанровой классификации). Круг вопросов, которые обсуждает Паке, достаточно широк – судьба русской церкви, положение женщины, новая советская пресса и т. д.; основное внимание уделяется внутривнутриполитической ситуации и отношениям между Россией и Германией. Все статьи очень информативны, пестрят конкретными именами, данными об экономическом положении, точными ценами, цитатами из документов. Автор, очевидно, осознавал, насколько мало его потенциальный читатель знает о России. Поэтому статьи выполняли в некотором роде образовательную функцию. Паке делает экскурсии в предвоенное время, показывает разницу между царской эпохой и современностью, поясняет многие русские реалии, обстоятельно излагает пункты большевистской программы, дает подробные характеристики политическим деятелям.

Чтобы сделать для читателя понятнее величие того, чему стал свидетелем, журналист проводит параллели с событиями западноевропейской истории предшествующих эпох (Тридцатилетней войной, Великой французской революцией, Варфоломеевской ночью). Таким образом, несмотря на свое в целом неприязненное отношение, Паке (вполне в духе газеты, на которую работал) добросовестно старался дать своим соотечественникам исчерпывающее представление о положении дел в России.

При всем разнообразии тематики в статьях явно выделяются три проблемы, к которым журналист возвращается вновь и вновь, – положение буржуазии, Германия, большевистская власть. Как и многие его современники и коллеги, приезжавшие в Россию, Паке пишет прежде всего о том, что волнует его лично, что, на его взгляд, может быть полезно для его родины либо нанести ей вред. В особенности темы буржуазии и Германии связаны с идентичностью Паке: в России он осознает себя буржуа, немцем, носителем европейской культуры.

Тема бедственного положения буржуазии начинается во второй статье и звучит во всем цикле, много места ей также уделяется в дневнике и письмах. Паке обычно писал в довольно «сухом» стиле, не был склонен к цветистым эпитетам и гиперболизации, но ситуация в России его настолько поразила, что он назвал положение русской буржуазии «беспримерным в истории человечества»²². Массовые аресты и расстрелы «врагов пролетариата», свидетелем которых осенью 1918 г. стал журналист, заставили его вспомнить о Варфоломеевской ночи. Причину особого внимания к ситуации с третьим сословием нужно искать в мировоззрении Паке: он не только сам принадлежал к этому слою общества, но и считал буржуазию носителем культуры, опорой европейской цивилизации. Поэтому фактическое искоренение этого класса в России было для Паке равнозначно уничтожению самих основ Европы, частью которой была для журналиста и довоенная Россия. Паке опасался, что события в России – это только начало, что окрепшая Красная армия может принести революцию на своих штыках «на берега Рейна или Ла-Манша, в Альпы или в Средиземноморье» (189), и высказывает надежду, что европейские государства, наученные горьким опытом России, постараются не допустить того, чтобы война закончилась революцией. Этот топос, который можно назвать «казаки в Париже», присутствовал в европейском сознании начиная с эпохи Наполеоновских войн, в двадцатые годы двадцатого века он приобретет особую актуальность. В Германии, где послевоенная ситуация во многом напоминала русскую, страх перед угрозой «восточной анархии» в некоторых кругах почти принял масштабы паники. С точки зрения защитника буржуазной цивилизации Паке было трудно увидеть в советском государстве созидание нового

мира, которое будут славить путешественники во второй половине двадцатых годов.

Также с самого начала звучит тема Германии, и в этом отношении Паке был типичным немецким путешественником. Он постоянно пишет о бедственном положении немецких военнопленных, о незащищенности немецкой собственности в России, о национализации немецких предприятий, а тяжелой ситуации в немецких колониях на Волге посвящена отдельная статья. Политика большевистского правительства на международной арене рассматривается Паке только в одном ракурсе – насколько это может навредить Германии. При этом хоть и тихо, но явственно звучит мотив сравнения большевистской России и Германии, мотив превосходства немецкого порядка над советским хаосом. Поволжские немцы описываются как трудолюбивый народ, их «образцовые поселения» оказались во власти «банды» большевиков, которая экспроприировала или уничтожила все ценное и навязывает немцам «коммунистическую» систему хозяйствования, совершенно не соответствующую немецкому характеру (40–42). Некоторые высказывания Паке вызывают в памяти распространенные в первой половине века идеологемы, в полной мере проявившиеся в конце двадцатых – тридцатые годы. Например, журналист пишет, что «внутреннее противоречие» между немецким правительством, «в основе своей буржуазном», и «пролетарским» правительством в современной России непреодолимо. «В этой борьбе систем не может быть ничьей, только победитель и побежденный. События в России – это только пролог к решению судьбы Европы» (49). Эта трактовка найдет свое полное воплощение в нацистской идеологии, где – уже с использованием новой терминологии – судьбоносной будет объявлена битва между германским и славянским мирами. Кроме того, рассуждая о новом правительстве, которое возникнет вскоре после краха большевиков, Паке высказывает мысль, что именно немцы должны поучаствовать в его создании. Русский народ журналист воспринимает как *tabula rasa*. «В духовном отношении русский народ напоминает мало заполненную страницу. При использовании мощной пропаганды он способен понять даже сложные вещи, благодаря своей природной непредвзятости, одаренности, способности к обучению и живости своего юношеского характера» (144). Здесь мы слышим отголоски распространенных в ту эпоху идей о «детскости»/«юности» и связанной с этим аморфности русского мира, которому германский дух призван придать форму.

Паке четко различает русских как народ и партию большевиков. Если идею Советов как демократической формы власти Паке поддерживал, то коммунистическая партия описывается им отнюдь не как народная, «господство» большевиков «легло тяжелым грузом на широкие слои русских» (31). Журналист не упускает случая

подчеркнуть «нерусскую» этническую принадлежность партийных функционеров. Он неоднократно обращает внимание на пропасть, лежащую между народными массами и новой властью, на недовольство населения, на «капиталистический» характер крестьянства, которому нет дела до пролетарского интернационализма, на отсутствие интереса к партийным решениям и публикациям в советской прессе. Для большевиков Паке прибегает к самым красочным эпитетам. Их партия – это «марксистская секта», её «фанатичные» вожди обладают «патологическим менталитетом» (126, 49). Герои нового времени в России – это «не кто иные, как вынужденные к политической деятельности полулитераторы и полупреступники» (46). Охраняют эту новую власть Красная армия, в которую вступают в том числе и «банды, получающие удовольствие от грабежей и убийств», и «инквизиционный отряд» ЧК (184, 125).

Хорошо знакомый с дореволюционной Россией, Паке неоднократно сравнивает старый мир с новым. Ввиду всего вышесказанного нетрудно угадать, что сравнение оказывается не в пользу большевиков. Уничтожив достижения довоенной цивилизации, новая власть не дала ничего взамен, не выполнила своих обещаний («хлеб, свобода и мир»), но при этом сохранила и даже усилила недостатки царской системы, в частности «империализм» на международной арене и старые методы подавления свободомыслия внутри страны. Состояние, до которого большевики довели страну, – это «война всех против всех» (64). «Отношения между отдельными слоями населения определяет немое недоверие, тайная ненависть, что уводит все дальше от рая на земле, который большевики вознамерились построить в своем социалистическом государстве» (59). Города лежат в руинах, процветает преступность, деревня отброшена в своем развитии на века назад: «... там царят неразбериха, разруха, недоверие, ненависть, бандитизм. <...> Во многих областях наблюдаются средневековые явления, суд Линча ужасающей жестокости и языческие суеверия» (130). Настроения среди населения самые мрачные: «Все вокруг убеждены, что Россия гибнет, что в сегодняшних смертельных муках не родится солнце новой жизни» (75). Ключевой для Паке становится оценка, высказанная безымянным русским кучером: «Это невыносимо» (53).

Единственное, что новая власть не только переняла у старой системы, но и усовершенствовала, – это система контроля. ЧК работает в лучших традициях Охранного отделения, превосходя его жестокостью. Расстрел стал будничным актом. Террор теперь тотален и повсеместен, он касается всех и везде. Вывод Паке звучит неутешительно: «Даже в самые мрачные периоды царского режима в России не было такого ада, какой мы видим в эти недели великого ужаса» (118). Представление о России как о полицейском государстве существовало в Европе, как мини-

мум, с середины XIX в. После революции все критически настроенные визитеры будут вслед за Паке отмечать продолжение и усиление этой традиции в новом государстве. Наблюдение за деятельностью карательных органов приводит Паке к рассуждениям о характере русского народа, и здесь журналист оказывается типичным сыном своей эпохи. Он понимает русских как азиатов, заслуживающих подобного правления: «Еще очень долгое время правительства в России будут деспотичными, будут пользоваться деспотическими методами управления. К этому их вынуждает характер русских масс» (123).

Посреди этого потока обвинений в статьях и в дневнике встречается поразительное выражение симпатии к большевикам. Революция представляется Паке событием мирового масштаба, а её лидеры – великими личностями. «В период их господства большевикам пришлось вести от месяца к месяцу все более тяжелую и ужасную борьбу против их врагов. Конечно, они не были разборчивы в средствах. <...> Тем не менее они могут с полным правом утверждать, что не нанесли ударов в спину вождям своих противников. <...> Нужно также отметить, что каждый из лидеров в советском правительстве сражается как лев и работает без устали. Их решительная попытка превратить марксистские теории в реальность, в современный сложный государственный организм – это такое достижение, которое будет занимать еще многие поколения историков» (74–75).

Особенно лестные характеристики получают Ленин, Троцкий и Дзержинский. Нетрудно заметить в этих описаниях начало создания легендарных образов, от чего не может удержаться даже такой скептически настроенный наблюдатель, как Паке. «В Ленине сочетаются неподкупный фанатизм идеолога, практическая выучка государственного деятеля и типично провинциальная форма татарско-русской крестьянской хитрости. Эта причудливая смесь обладает силой демагогического взрыва. <...> Даже противники признают силу этой личности, широту её горизонта» (74).

Дзержинский, хозяин вездесущей и всемогущей ЧК, единственной по-настоящему действенной властной структуры в стране, приобретает почти мифические черты: «...фанатик, подобный Сен-Жюсту, <...>, чье сердце осталось глухо к слезам и проклятиям, подписавший, по всей вероятности, больше смертных приговоров, чем любой смертный в России до него; якобинец, о котором говорят, что он скорее прикажет арестовать Ленина или даже самого себя, чем отречется от “идеи” хотя бы на мгновение; бывший политзаключенный, в долгие годы одиночества в камере занятый характерными для славянского мистицизма мыслями о том, как осчастливить человечество, идеями спасения, эстетическим резонансом; и прирожденный шеф полиции, хладнокровный, недремлющий, хитрый, достигший мастерства в искусстве постоянно держать в страхе такой

большой город, как Москва, и фактически владеть этим городом» (121–122).

Троцкий описывается также в патетическом тоне. Наделенный «вечно беспокойным, пылающим, мефистофелевским темпераментом», он показан как некий *regretuum mobile*. Быстро освоив незнакомое ему прежде военное дело, Троцкий работает день и ночь, всегда полный «новых идей» и «безграничного оптимизма», неделями пропадает на фронтах, вникает во все мелкие проблемы, при этом не теряя из виду общей картины, стремительно перемещаясь с места на место и делая несколько дел одновременно. Эта неумная энергия уже дала видимые результаты: Красная армия постепенно превращается в грозную силу.

Последняя статья «Скованный город» по настроению существенно отличается от всех остальных: Паке еще не успел уехать, он только прощается с Москвой, но здесь уже слышны ностальгические нотки. Как если бы временная и пространственная дистанция между автором и объектом его изображения уже существовала, журналист начинает поэтизировать русский мир, памфлет превращается в элегию, критика сменяется восторгами. Словно позабыв скепсис предыдущих пяти месяцев, он видит красоту в разрушении, а в анархии – начало нового мира. «Может быть, начинается первый великий карнавал мировой истории, может быть, последний. Восторг гибели, танец красоты и смерти, анархическое рождение новой сути. Страшно взволнованный, полный мрачного сочувствия и огромных надежд, ты наблюдаешь, как уходит старый мир. <...> Казнь ненавистного столетия коммерции и в самом деле состоялась, старое, трусливое филистерство, всезнающая буржуазия прошлого стали жертвой своего собственного раба. Сродни призракам, в пустоте возникают великие проекты, невидимые башни освобожденной от оков идеальной воли» (201–202) и т. д. и т. п. В последнем абзаце еще раз высказывается принципиальная для Паке мысль: «там, на Востоке» началась «битва Европы за саму себя» (202).

В 1918 г. Паке был в России в последний раз, но русская тема не отпускала его еще долгое время. В первые годы после окончания войны Паке был одним из редких очевидцев событий в России, поэтому его часто приглашали с докладами и он много публиковался²³. В текстах, созданных после возвращения, критический пафос уменьшается, акцент делается на положительных сторонах советского опыта. Паке разграничивает идею и её воплощение, предлагая воспользоваться для преобразования Германии и Европы в целом социалистическими принципами (в частности, идеей Советов как органов самоуправления), но при этом избегать русских ошибок и крайностей²⁴. В дальнейшем Паке использовал русские впечатления в художественных произведениях. В романе «Пророчества» (1923) и созданной на его основе пьесе «Потоп» (1926) он все больше отходит от русских реалий; хотя действие и происходит

в России, целью автора было художественное воплощение идеи революции как таковой²⁵. С течением времени и изменением политической ситуации в России русский опыт представляется Паке все менее достойным подражания. Для своего последнего романа «От ноября до ноября» (1929–1932), в основу которого положен дневник 1917–1918 гг., он не находит издателя²⁶. Как пишет исследователь романа, дело было не только в усилении в Германии праворадикальных тенденций. Превращение Советского Союза в тоталитарное государство показало Паке всю иллюзорность надежд на обновление Европы с использованием русского опыта.

Эволюция отношения Паке к России, нашедшая отражение в комплексе его русских текстов, представляется нам типичной для западноевропейского интеллигентуала первой половины XX в.: незнание и настороженность сменяются любопытством, постепенно возникают искренний интерес и симпатия, надежды и иллюзии, но в конце концов приходит неизбежное разочарование и осознание чуждости.

Примечания

- ¹ См. исследования в рамках фундаментального проекта «Wuppertaler Projekt zur Erforschung der Geschichte deutsch-russischer Fremdenbilder», начатого под руководством Л. З. Копелева, в особенности том: Deutschland und die russische Revolution. 1917–1924. Hrsg. von Gerd Koenen und Lew Kopelew. München, 1998. В этом томе в том числе опубликована составленная Гердом Кёненом библиография немецких политических, публицистических, художественных, исторических и других текстов, посвященных России, за период 1917–1924 гг. Её объем – более тысячи наименований. Представление об отдельных аспектах российско-германских взаимоотношений в межвоенный период дает также следующий том этого проекта: Stürmische Aufbrüche und enttäuschte Hoffnungen. Russen und Deutsche in der Zwischenkriegszeit. Hrsg. von Karl Eimermacher und Astrid Volpert. München, 2006.
- ² См.: Koenen G. Rom oder Moskau. Deutschland, der Westen und die Revolutionierung Russlands 1914–1924. Tübingen, 2003. Диссертация опубликована в несколько сокращенной форме: Koenen G. Der Russland-Komplex. Die Deutschen und der Osten 1900–1945. München, 2005; отдельные её результаты содержатся в статьях: Koenen G. Alfons Paquet und «Der Geist der russischen Revolution» // In der ganzen Welt zu Hause. Tagungsband Alfons Paquet. Hrsg. v. Oliver M. Piecha und Sabine Brenner. Düsseldorf, 2003. S. 45–57; Idem. Vom Geist der russischen Revolution. Die ersten Augenzeugen und Interpreten der Umwälzungen im Zarenreich // Deutschland und die russische Revolution. 1917–1924. Hrsg. von Gerd Koenen und Lew Kopelew. München, 1998. S. 49–98.
- ³ Koenen G. Alfons Paquet und «Der Geist der russischen Revolution». S. 45. Здесь и далее перевод с немецкого языка выполнен автором статьи.
- ⁴ Paquet A. Asiatische Reibungen. Politische Studien. München, 1909; Idem. Südsibirien und die Nordwestmongolei. Politisch-geographische Studie und Reisebericht für die geografische Gesellschaft zu Jena. Jena, 1909.
- ⁵ См., например: Paquet A. Nach Osten! Stuttgart; Berlin, 1915; Idem. Der Sendling. Erzählungen und Schilderungen. Hamburg-Großborstel, 1914.
- ⁶ Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918. Hrsg. von Winfried Baumgart. Göttingen, 1971. S. 19. В дальнейшем цитируется как: Tagebuch.
- ⁷ См., например: Rußland und Rumänien // Frankfurter Zeitung (в дальнейшем FZ) 21.10.16; Rußland. Die dritte russische Anleihe in Japan. Vordringen Japans in China. Amerika, die Entente und China. Die schwarzen Listen in Russland // FZ II 01.11.16; Russland. Aus der Reichsduma // FZ II 24.11.16; Rasputin // FZ I 30.01.17; Japan und Russland // FZ II 04.02.17; Polen. Die Polenfrage in Russland // FZ I 20.02.17; Rußland, Finnland und Schweden // FZ A 29.03.17; Die Friedensfrage in Russland // FZ A 10.04., 12.04., 14.10.17; Die neue Lage der Juden in Russland // FZ I 30.05.17; Russland // FZ I 16.07.17; Rußland und die Selbständigkeit Finnlands // FZ I 17.07.17; Rußland. Die Stimmung in Petersburg // FZ II 31.08.17; Полный перечень публикаций Паке см.: Bibliographie Alfons Paquet. Hrsg. vom Paquet-Archiv, Frankfurt am Main. Bearb. von Marie-Henriette Paquet. Frankfurt a.M., 1958.
- ⁸ О немецких журналистах в России см.: Müller W. Rußlandberichterstattung und Rapallopolitik. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1924–1933 im Spiegel der deutschen Presse. Diss. Saarbrücken, 1983.
- ⁹ О первых пятидесяти годах существования «Франкфуртер цайтунг» и о её позиции по отношению к России в этот период см. исключительно добросовестную коллективную монографию: Geschichte der Frankfurter Zeitung. Hrsg. vom Verlag der Frankfurter Zeitung. Volktausgabe, Frankfurt a.M., 1911.
- ¹⁰ См., например, великолепную статью о Февральской революции с планом города и подробной реконструкцией событий: FZ II, 27.03.17.
- ¹¹ Tagebuch. S. 17. Курт Рицлер (1882–1955) – в апреле–августе 1918 г. советник немецкой дипломатической миссии в России. Герберт Хаушильд (1880–1928) – в мае–ноябре 1918 г. генеральный консул Германии в России.
- ¹² Ibid. S. 152.
- ¹³ Ibid. S. 132.
- ¹⁴ Следует отметить, что и политика Гогенцоллернов, а с 1920-х гг. национал-социализм подвергались не менее резкой критике.
- ¹⁵ Статья «Русские проблемы» (написана 29 августа, напечатана 8 сентября) была сокращена наполовину, что вызвало резкое недовольство Паке. Речь в статье идет о непростых отношениях между Россией и Германией, о взаимных обвинениях и двойной игре. Видимо, журналист сказал слишком многое из того, что знал об истинных намерениях Германии в отношении России.

В книжном издании был опубликован полный текст статьи под названием «Вопрос совести».

- ¹⁶ Tagebuch. S. 20.
¹⁷ Ibid. S. 91.
¹⁸ Ibid. S. 157.
¹⁹ Ibid. S. 22.
²⁰ Paquet A. Im kommunistischen Rußland. Briefe aus Moskau. Jena, 1919. S. 83. Московские статьи Паке цитируются в дальнейшем по этому изданию с указанием страниц в скобках.
²¹ В сборник вошли двадцать пять статей: «Приближение», «Москва», «Покушение», «Ярославль», «О немецких колонистах Поволжья», «Новые события», «Памятник Александру», «Кризис», «Положение дел», «Положение советского правительства», «Накал борьбы», «Вопрос совести», «Судьба русской церкви», «Экономическая политика народных комиссаров», «Разворот русского империализма», «Террор», «Чрезвычайка», «Крестьянский вопрос», «Годовщина», «Пролеткульт», «Русские женщины», «Блокада», «Судьбы русской прессы», «Красная армия», «Скованный город».
²² Tagebuch. S. 157.
²³ Доклады: Der Geist der russischen Revolution. Frankfurt a.M. Gesellschaft von 1918, 13.01.19 ; Der russische Bolschewismus. Diskussionsabend. Frankfurt a.M. Gesellschaft von 1918, 03.02.19 ; Das revolutionäre Rußland und die Deutschen. München. 13.02.19, Heilbronn. 15.02.19, Stuttgart. 16.02.19 ; Sowjetrußland. Köln. Gesellschaft der Künste, 19.04.20 ; Das heutige Rußland. Frankfurt a.M. 11.08.20 ; Rußland und Europa. Hamburg. Künstlerhilfe, 28.11.21 ; Slawentum und Deutschtum. Frankfurt a.M. Deutsch-Südslawische Gesellschaft, 12.12.21 ; Der Übergang des Epos in den psychologischen Roman. Von Dante bis Dostojewski. Frankfurt a.M. Morgenfeier des Schauspielhauses, 3.04.22 ; Deutsche und Slawen. Prag.

Kongreß für kulturelle Zusammenarbeit, 03.10.28 и др. Статьи в периодике: Gegen die Blockade Sowjetrusslands // FZ I, 19.10.19 ; Die Bühne im russischen Rätestaat // Der Zuschauer 1, H. 3. S. 6–9 ; Berichte aus Sowjetrussland // Das Tagebuch 1, H. 4. S. 117–125, H. 5. S. 161–166, H. 6. S. 204–208, H. 7. S. 253–257, H. 9. S. 328–333, H. 10. S. 356–362 ; Für Rußlands Hungernde // FZ A, 19.11.21, Hamburger Volkszeitung 26.11.21 ; Für Rußlands Hungernde // FZ II, 29.01.22, FZ A 24.02.22, 03.04.22 ; Rußlands Jammer. Aus einer Rede // Die Glocke 8. S. 131–135 ; Produktive Hilfe für Russland // Die Glocke 8, S. 352–356 ; Internationale Arbeiterhilfe und politische Propaganda // FZ I 01.01.24 и др. Особо нужно выделить эссе: Das russische Gesicht. Heilbronn : G. Ulrich, 1920 ; Rom oder Moskau. Sieben Aufsätze. München, 1923.

- ²⁴ Например, в докладах 1919 г. «Революционная Россия и немцы», «Русская революция как трагическое событие» и «Дух русской революции», опубликованных отдельным изданием: Paquet A. Der Geist der russischen Revolution. Leipzig, 1919.
²⁵ Paquet A. Sturmflut. Schauspiel in 4 Akten und 10 Bildern. Berlin, 1926 ; Idem. Die Prophezeiungen. Roman. München, 1923. О драматургии Паке см.: Thöne M. Zwischen Utopie und Wirklichkeit. Das dramatische Werk von Alfons Paquet. Frankfurt a.M., 2005.
²⁶ Роман «От ноября до ноября», над которым Паке работал в 1929–1932 гг., до сих пор не опубликован. Его многочисленные редакции хранятся в Городской и университетской библиотеках Франкфурта на Майне. О романе см.: Wagner M. Alfons Paquet: «Von November bis November». Edition, Kommentar, Interpretation. Uni Regensburg. Magisterarbeit ; Wagner M. Von November bis November. Ein nachgelassener Roman // In der ganzen Welt zu Hause. Tagungsband Alfons Paquet. Hrsg. v. Oliver M. Piecha und Sabine Brenner. Düsseldorf, 2003. S. 58–69.

УДК 821.161.09–1+929 [Державин+Пушкин+Городницкий]

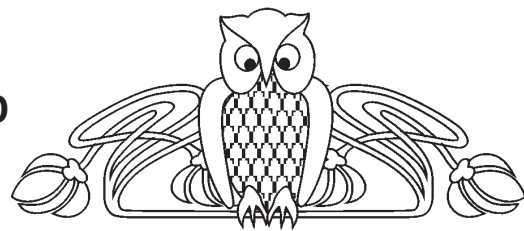
ПУШКИНСКО-ДЕРЖАВИНСКИЙ МИФ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ А. ГОРОДНИЦКОГО (мотив передачи лиры)

В. В. Биткинова

Саратовский государственный университет
E-mail: bitkinova@mail.ru

В статье рассматривается трансформация пушкинско-державинского мифа в двух стихотворениях А. М. Городницкого; делается попытка объяснить индивидуально-авторскую, полемическую по отношению к сложившейся в массовом культурном сознании трактовку мифа через анализ автобиографизма и аутопсихологизма избранных произведений, а также вписать их в более широкий контекст представленных в поэтических и мемуарных текстах размышлений барда о проблемах российской истории.

Ключевые слова: Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, А. Городницкий, русская культура XVIII – первой четверти XIX в., декабристы, бардовская поэзия, культурный миф.

Pushkin and Derzhavin Myth in A. Gorodnizky's Poetic World (Motif of Lyre Transferring)

V. V. Bitkinova

The article deals with the transformation of Pushkin and Derzhavin myth in two poems by A. M. Gorodnizky; an attempt is made to explain the author's individual interpretation of the myth (controversial to that established in the mass cultural consciousness) by means of analyzing the autobiographical and autopsychological components of the works under investigation. It is also undertaken to enter those